

Новые идеи в социологической теории и социальной практике

© 2019 г.

ОБЩЕСТВО ТРАВМЫ: МЕЖДУ ЭВОЛЮЦИЕЙ И РЕВОЛЮЦИЕЙ (круглый стол)

Участники:

ДОБРОХЛЕБ Валентина Григорьевна – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ РАН, Институт экономических проблем народонаселения РАН (vdobrokhleb@mail.ru); ДОБРОХОТОВ Леонид Николаевич – доктор исторических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (dobrokhotoza@yahoo.com); ДРОБИЖЕВА Леокадия Михайловна – доктор исторических наук, профессор, Институт социологии ФНИСЦ РАН (drobizheva@yandex.ru); КИТОВА Джульетта Альбертовна – доктор психологических наук, профессор, Институт психологии РАН (j-kitova@yandex.ru); КРАВЧЕНКО Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (Sociol7@yandex.ru); ЛАПИН Николай Иванович – член-корреспондент РАН, Институт философии РАН (lapini31@mail.ru); ЛЕВАШОВ Виктор Константинович – доктор социологических наук, Институт социально-политических исследований РАН (levachov@mail.ru); МАГАРИЛ Сергей Александрович – кандидат экономических наук, доцент, журнал «Социологические исследования» (magaril@yandex.ru); МАЙОРОВА-ЩЕГЛОВА Светлана Николаевна – доктор социологических наук, профессор, Московский психолого-педагогический университет (sheglova-s@yandex.ru); СЛАВИН Борис Федорович – доктор философских наук, профессор, Московский педагогический университет (nivals@inbox.ru); ТОЩЕНКО Жан Терентьевич – член-корреспондент РАН, Российский государственный гуманитарный университет, Институт социологии ФНИСЦ РАН (zhtantosch@mail.ru); ЧЕРНЫШ Михаил Федорович – доктор социологических наук, профессор, Федеральный научно-исследовательский социологический центр (mfche@yandex.ru). Все – Москва, Россия.

Аннотация. Вниманию читателей предлагается дискуссия в Научном совете Отделения общественных наук РАН «Новые идеи в социологической теории и социальной практике». Вел заседание Ж.Т. Тощенко. При анализе состояния и тенденций развития мира/государства/общества, отметил он, обычно оперируют понятиями эволюция и революция. Однако существует и специфический феномен – общество травмы, относящийся к странам, длительное время стагнирующим и/или деградирующим, находящимся в состоянии рецессии. Черты общества травмы: отсутствие ясной стратегии развития; экономическая деградация; отсутствие созидательных общественных сил; переходы властных ресурсов в капитал и капитала во властные ресурсы; отстранение – добровольное и насильственное – большинства населения от участия в политической жизни; отсутствие государственной идеологии и/или национальной идеи; игнорирование национальных интересов или чрезмерная их абсолютизация; резкое увеличение социального неравенства; социальные деформации и утрата стремления к национальному суверенитету; неуважение традиций и прошлого страны или, наоборот, архаизация этноконфессиональных установок и патриархальных ориентаций. Особое внимание уделено России. Ее можно отнести к травмированным обществам. Отринув социалистическое прошлое и провозгласив новые ориентиры, некритически копируя чужой опыт, страна оказалась в состоянии неопределенности, несмотря на широковежательные официальные утверждения. Сформулированы соображения о выходе общества из состояния травмы.

Ключевые слова: травма • революция • эволюция • развитие • функционирование

DOI: 10.31857/5013216250005477-7

Открывая заседание, Ж.Т. Тощенко предложил обсудить вопросы:

1. Является ли общество травмы третьей модальностью наряду с эволюцией и революцией?
2. Какие страны в мире можно отнести к обществу травмы?
3. Что создает общество травмы?
4. Можно ли процессы, происходящие в обществе травмы, считать только социальными изменениями?
5. Как преодолеть травматическое развитие таких обществ?

Развитие цивилизации, продолжил он, столкнулось с феноменом, слабо изученным и малоизвестным, – обществом травмы. В мире происходят события, которые невозможно определять и интерпретировать в понятиях эволюция и революция, описывающих происходящие изменения существующих форм развития – капитализм/социализм. То, что случилось в конце XX – начале XXI в. в Ираке, Ливии, Афганистане, Сирии, Тунисе, Египте и ряде других стран, выпадает из принятой и понятной логики развития. Не менее впечатляющи и события после распада Советского Союза во многих бывших его союзных республиках, ныне независимых государствах, особенно Грузии, Молдове, Украине, Туркмении. Не избежала этой участи Россия.

Несмотря на различия, эти страны объединяет одно: кардинальные политические потрясения, стагнация и/или упадок экономики, неопределенность в будущем, что никак не коррелирует с представлениями об эволюционном или революционном развитии. При этом, по экспертным заключениям, рыночные отношения принесли успех 52% стран с (нео)либеральным режимом и 48% стран с так называемым тоталитарным режимом.

При трактовке происходящих событий в этих странах с позиций «эволюция»/«революция» невозможно объяснить многообразие своеобразных, неоднозначных процессов и событий. Поэтому, на по его мнению, нужно использовать понятие «травма», как специфический вариант пути между названными формами развития.

Что такое общество травмы?

Н.И. Лапин. Ж.Т. Тощенко вновь продемонстрировал редкую способность создавать метафоры, неожиданные и полезные для научного понимания общества, привлекающие внимание научных и широких слоев общественности. «Общество травмы» – впечатляющая и более емкая метафора – по сравнению с метафорой «культурная травма». Она имеет комплекс смыслов и может быть использована не только как третья модальность, наряду с эволюцией и революцией, но и как характеристика состояния общества.

Социологически, травмированное общество можно интерпретировать как остро его неблагополучное состояние, возникшее под влиянием внутренних/внешних факторов. В зависимости от остроты этого состояния и его опасности можно различать типы травмированности. Примеры стран, приведенные Тощенко, позволяют заключить: характер травм обществ служит симптомом неполной *самодостаточности* этих стран перед вызовами от окружающих, более самодостаточных обществ, партнеров и конкурентов в глобальном мире. На это обратил внимание А. Тойнби, характеризуя жизненные циклы цивилизаций: их неспособность ответить на вызовы среды ведет к гибели. Состояние травмированности одновременно оказывается видом модальности общества, угрозы его гибели, трансформации в менее самодостаточное, региональное сообщество, поглощенное другим, более самодостаточным обществом.

С.А. Кравченко. Обоснование теории «общества травмы» является рефлексией Тощенко Ж.Т. на становление новых *сложных реалий* XXI в. В этом контексте находится его инновационная теоретико-методологическая методология, сводимая к следующему: 1) в оборот науки вводятся понятия, отражающие *травматическую природу* современных реалий; 2) эти реалии имеют *внешне-внутреннюю причинность*, включая *побочные эффекты* ненамеренных последствий человеческой деятельности, основанной на устаревших

принципах формальной рациональности, прагматизма и меркантилизма; им автор противопоставил «оценку социально-экономического положения людей, выявление наиболее значимых характеристик жизнедеятельности различных социальных групп» [Тощенко, 2018: 7]; 3) количество обществ травмы увеличивается, что свидетельствует о воспроизводстве явлений, не имеющих пространственно-временных границ; 4) переоткрывается значимость прежде доминировавших факторов социальных изменений (эволюция/революция), обосновывается новый тип катастрофических трансформаций; 5) делается вывод об усложняющейся природе травмы как результате длительной турбулентной трансформации общества, деформаций экономических, социальных, политических и духовно-культурных отношений и, как следствие, имеющей непредвиденные последствия [Тощенко, 2018: 12–16]; 6) осуществлено выделение родовых черт всех обществ травмы; 7) намечены основы конкретных мер по выходу из общества травмы [Тощенко, 2018: 29], что в итоге представляет собой переоткрытие социальной реальности и является показателем валидности социологического знания [Кравченко, 2014: 27–37].

В.К. Левашов. Поставив в фокус дискурса конструкт «общество травмы», Ж.Т. Тощенко привлек наше внимание к актуальным аспектам социальной реальности. Метод социологической гиперболы, изобретенный автором, уже позволил высветить критические аспекты жизни российского общества – «социологию жизни», «парадоксального человека», «кентавр-проблему», «фантомы общества», и сейчас – «общество травмы». В свое время У. Черчилль предложил формулу: «Я не могу предсказать действий России. Это головоломка, завернутая в тайну, погруженную в загадку». Возможности методологического подхода «общество травмы» высвечивают одну из сущностных сторон российского социума и позволяют создать метод разгадки «русской тайны».

Этот конструкт характеризует состояние общества, не его динамику. О. Конт отнес бы его к социальной статике. Его необходимо использовать в конкретном социальном и историческом контексте. Если говорить о модальностях, общество травмы может быть дополнительной модальностью по отношению к революции и эволюции, капитализму и социализму, не являясь их диалектической парой. Советское общество в 1945 победном году находилось в состоянии морально-политического подъема, но переживало состояние демографической травмы, потеряв 27 млн человек. Сегодня многие находятся в модальности травмы, испытывая лишения, а многие являются «героями» нашего времени, вписываясь в критерии неолиберального успеха. Общество травмы предполагает деграционные и дегенеративные изменения в социальной структуре социума. Используя язык медицины, можно говорить о травмах общества, не совместимых с жизнью.

Д.А. Китова. Общество с психологической точки зрения можно рассматривать как большую социальную группу людей, обладающих общими интересами. Мы вправе говорить о травме, как об особом состоянии, о *макропсихологической травме* общества, которая образовалась вследствие «интенсивного воздействия неблагоприятных факторов социальной среды или острозонациональных, стрессовых воздействий на его психику» [Тарабрина, 2009: 39], с которыми сопряжено постперестроечное развитие нашего общества.

Является ли травма рядоположенным, наравне с эволюцией и революцией, процессом развития, т.е. перехода от одного состояния к другому (от старого к новому)? Очевидно, травмирование требует времени для восстановления и начала нового движения с учетом последствий полученной травмы. В рамках общества это можно рассматривать как необходимость переоценки интересов, ценностей и целей *общественного развития*, что не может быть произведено мгновенно.

Л.Н. Доброхотов. Считаю выдвинутое профессором Ж.Т. Тощенко понятие «общество травмы» новым словом в социологии, в общественных науках. Оно подтверждает ценную способность проф. Тощенко к нахождению и определению новых явлений современности, к формулированию новой методологии научных исследований. Поддерживая тезис автора доклада о том, что общество травмы можно определить как промежуточный вариант, третью модальность наряду с революцией и эволюцией, вместе с тем сомневаюсь, что оно является таковым как нечто отдельное от понятий капитализма и социализма.

Б.Ф. Славин. Доклад Ж.Т. Тощенко привлек меня постановкой вопроса о важности понятия «травма» в социологии. Он рассматривает его наряду с общефилософскими понятиями «революция» и «эволюция». Думаю, здесь имеется небольшое преувеличение. «Революция» и «эволюция» отражают всеобщий характер движения, развития социальных организмов. Понятие «травма» – один из частных моментов такого движения, означающий затруднение, заболевание, полную остановку функционирования (смерть) организма. Очевидно, «травма» в социологии может объяснить многие проблемы развития различных сфер общественной жизни. Докладчик на примере современного общества показал, что категория «травма» помогает, например, объяснить в духовной сфере излишнюю коммерциализацию интеллектуальной жизни, маргинальность образования, игнорирование таких ценностей, скрепляющих общество, как справедливость, солидарность и др.

В этой связи в понятие «травма» нужно обязательно включить (разработав его) понятие «духовная аномия», – потерю людьми смысла человеческой жизни в результате смены общественного строя, революций и войн. Это в первую очередь относится к нашей стране, перенесшей в XX в. несколько революций и реставраций. Я имею в виду, прежде всего, Великую русскую революцию 1917 г. с важнейшими историческими этапами: Февральской и Октябрьской революциями. Первая привела к устранению монархии и помещичьего строя в России, вторая означала победу рабочих и крестьян и связанной с ними интеллигенции.

Духовная аномия современного российского общества особенно усилилась в связи с банкротством «шоковой терапии», с непродуманной приватизацией государственной собственности, возникновением невиданной ранее социальной поляризации, коррупцией во властных структурах, появлением таких традиционных бед капиталистического общества, как хроническая бедность, безработица и рост криминала в различных сферах общественной жизни.

Опыт изучения понятия травма

Н.И. Лапин. Слово *травма* произошло от греч. *trauma* (*traumatosis*) и означает повреждение организма, вызванное внешним воздействием – механическим, химическим, электрическим и т.п. Отдельно выделяют психическую травму, нервное потрясение. *Травматизм* – совокупность травм, возникших под воздействием тех или иных факторов (производственные, транспортные, бытовые и др.). *Травматологией* называют раздел медицины, занимающийся лечением, предупреждением травм.

Л.М. Дробижева обратила внимание на то, что одним из первых в социологии понятие «травма» использовал П. Штомпка. Он разрабатывал теорию процессов переходного состояния, характеризовал постсоветские общества как «постсоциалистические», переходные, которые переживают *культурную травму*. Им выделены шесть стадий (фаз) такого состояния – от переживания прошлого к конкретным событиям, переживаниям, связанным с противоречивыми толкованиями прошлого; как следствие им выделена дезинтеграция, проявления травмы и в дальнейшем адаптация, которая завершается переходом к стабильному состоянию общества. Отметим, что в теории П. Штомпки акцент сделан на социально-психологическом состоянии, самочувствии граждан [Штомпка, 2001: 6–7]. В докладе же показан процесс травмы в широком, практически всестороннем контексте. Видимо, есть основания рассмотреть фазы состояния постсоветского российского общества. В какой фазе мы находимся?

На мой взгляд, эта фаза варьируется в зависимости от социально-политического и экономического состояния общества. Крым, Олимпиада прибавили чувства национального достоинства. В 2017–2018 гг. настроения менялись; эти колебания меньше связаны с травмой 1990-х гг. и больше с событиями в стране и мире. Таким образом, какой период мы можем отнести к завершающейся стадии переходного общества? Ведь и в экономике волны, видимо, были связаны в большей мере не с разрухой, связанной с распадом

Союза. Эта травма, конечно, не изжита, но в какой степени именно она определяет жизнь современного российского общества?

М.Ф. Черныш. Позвольте поблагодарить Жана Терентьевича за интересный доклад, к которому мы будем возвращаться в поисках ответа на острые вопросы российской жизни. Нельзя не согласиться с тем, что российское общество переживает нелегкие времена. Тем не менее теория травмы в современной общественной науке имеет ограниченную применимость. Чтобы понять, почему это так, обратимся к работам социологов, которые инициировали использование этого понятия в современной науке. Дж. Александер, вводя понятие травмы, сфокусировал внимание на Холокосте (см.: [Александер, 2013]), имея в виду страдательное, беспомощное положение гражданских, мирных людей, лишенных возможности оказывать сопротивление машине истребления. П. Штомпка применил понятие травмы к состоянию общества, осуществляющего транзит из социализма в капитализм [Штомпка, 2001]. Люди, переживавшие транзит, сознательно вводились элитами в заблуждение. К примеру, руководившие реформами в Польше лица знали: рабочие, которых они использовали в качестве разрушителей социалистических общественных отношений, обречены оказаться на улице без работы. Травма связана не столько с трудностями, переживаемыми обществом, сколько с беспомощным, страдательным состоянием граждан, обманутых, потерявших почву под ногами.

Причины возникновения общества травмы

Ж.Т. Тощенко. Общество травмы характеризуется комплексом черт, которые отчетливо отделяют его от революционных преобразований или поступательных эволюционных изменений. Прежде всего, у общества травмы отсутствуют ясная стратегия и понимание перспектив развития. В результате в обществах травмы происходит потеря и даже откат от тех экономических рубежей, которыми обладали эти страны до вступления на путь изменения вектора своего развития. Как отметил бывший экс-министр экономики и финансов Польши Гж. Колодко, инициатор рыночных реформ в Польше, отсутствие грамотной экономической стратегии в России привело к тому, что если 25 лет назад ВВП России втрое превышал ВВП Китая, то на данном этапе Китай превосходит РФ по этому показателю в шесть раз (цит. по: [Московский экономический форум..., 2016: 13]).

Отсутствие стратегии развития в обществах травмы связано с тем, что в них нет активных, движущих, творческих созидательных сил, олицетворяемых «коллективным агентством» (П. Штомпка), которые осуществляли бы руководство желаемыми преобразованиями посредством продуманной программы действий. Для обществ травмы характерна конвертация ресурсов власти в капитал и капитала во власть, так как политическая власть рассматривается как источник доходов, оправдания и прикрытия сомнительных акций на экономическом и финансовом рынках. В этом контексте и возникает вопрос о государственной идеологии, которая – наряду с другими существующими в обществе мировоззренческими установками – формулировала бы перспективы развития. Пока преобладают, с одной стороны, утверждения, что не может быть государственной идеологии – со ссылкой на Конституцию РФ, с другой стороны, – постоянное повторение деклараций о необходимости демократического общества, абсолютно лишенных конкретики и непонятных большинству людей.

В обществах травмы «коллективные агентства» (т.е. правящие круги) не учитывают или абсолютизируют (гипертрофируют) национальную специфику, то, что накоплено странами в историческом развитии. В российском обществе безапелляционно отвергнут опыт не только советского, но и более раннего исторического прошлого, исходя из установки: в прежней России и особенно в СССР ничего позитивного не было.

Но особое значение приобретает факт, что в обществах травмы произошел неоправданный и необъяснимый с точки зрения не только теории, но и здравого смысла рост социального неравенства. По данным Global Wealth Report, на долю 1% самых богатых

россиян приходится 71% всех личных активов в России. Для сравнения: в следующих за Россией (крупных) странах – Индия и Индонезия – этот показатель равен соответственно 49 и 46%. В США он равен 37%, в Китае – 32%, в Японии – 17%. Во всем мире этот показатель равен 46%, в Европе – 32%. А если взять богатства миллиардеров, то российские миллиардеры владеют 30% всех личных активов российских граждан. В среднем во всем мире миллиардеры владеют лишь 2% всех личных активов. В Китае им принадлежит 1–2%, в США, где 400 миллиардеров, их доля составляет 7% от суммарного богатства американцев. К этому можно добавить: в условиях падения реальных доходов россиян на 12% с 2015 по 2018 г. только за 2018 г. число богачей с состоянием свыше 30 млн долларов выросло на 7%.

В.К. Левашов. «Общество травмы» несет как конструктивный, так и деструктивный потенциал. Фетишизация этого термина в познании и практике для манипуляций в качестве фантома-фейка ради формирования комплекса неполноценности сознательно вносит деструктивный смысл в его использование. Социальная травма в жизнеспособном обществе всего лишь дисфункция, которая подлежит излечению. Каждое общество проходит свой путь преодоления травмы, травматического состояния той или иной сферы жизнедеятельности. Продуктивна мысль о социальной и исторической памяти общества, опыте травмы, который трансформируется в политическую культуру преодоления и возрождения. Русская, советская, российская социально-политическая культура формировалась столетиями в обстановке побед и поражений, политических заморозков и оттепелей, духовного мракобесия и интеллектуального взлета. Социальный опыт преодоления травмы реализуется в знаниях, убеждениях и действиях, в стремлении к суверенитету, свободе и социальной справедливости.

М.Ф. Черныш. Если расширить понятие травмы и включить в него все общества, переживавшие и переживающие социальные катаклизмы, мы не найдем ни одного периода истории, когда общество не было бы травмированным. Однако не только общество в целом, но и небольшие сообщества выработали стратегии преодоления травм. В некоторых случаях, полагает Н. Смелзер, травмирующее событие, попросту говоря, вытеснялись, вычеркивались из памяти. В других случаях стратегией, позволяющей преодолеть травму, оказывалась героизация. Мы недавно отметили со слезами на глазах годовщину снятия блокады Ленинграда. Блокада, смерть сотен тысяч людей от голода, вне зоны боевых действий могла бы стать колоссальной травмой для российского общества, если бы не превращение этой истории в героической эпос, в отчаянное, ценой огромных потерь, сопротивление жестокому врагу. Огромную роль в этом сыграла интеллигенция и, в частности, Д. Гранин и А. Адамович, написавшие на основе воспоминаний ленинградцев «Блокадную книгу». Ленинградцы, которых они представили на ее страницах, в большинстве не жертвы обстоятельств, а люди, сохранявшие человечность и сострадание, осознанно работавшие из последних сил на победу. Если ограничить рассмотрение кризисных ситуаций только травмой, из поля зрения выпадает активное, организующее жизнь начало, нормативный «гирокомпас», который помогает сохранять человеческое в ситуациях, побуждающих к обратному.

Б.Ф. Славин обратил внимание на специфику появления общества травмы в России. Радикальные изменения 1917 г. и последовавшая за ними Гражданская война привели к резкому изменению общественного и индивидуального сознания людей. Часть из них эмигрировала, назвав революционное время, говоря словами Бунина, «Окаянными днями». Другие, как Блок, Маяковский и Горький, призвали миллионы людей «слушать музыку революции», видеть наступление новой «эпохи» освобождения человечества от тысячелетнего рабства. По мнению Горького, «в конце концов, побеждает только человеческое, – в этом великий смысл жизни всего мира, иного смысла нет в ней». Под этими словами могли бы подписаться миллионы советских людей. Прожив более 70 лет в сложных условиях созидания и функционирования «реального социализма», испытав радость

побед и горечь поражений, они в абсолютном большинстве сохраняли веру в человека, в его общественную, коллективистскую природу и созидательные творческие способности.

Однако в начале 1990-х гг., после второго пришествия в Россию капитализма, они испытали шок от проведения «либеральных реформ», провозгласивших примат частных интересов и ценностей индивидуализма над общественными, объявивших устаревшими и ненужными в рыночных условиях ценности коллективизма, равенства и справедливости. С их точки зрения, главными ценностями новой России должны быть обусловленное природой неравенство людей, абсолютная свобода бизнеса и рыночных отношений, личная выгода, культ денег и т.п. Такой переход к сугубо буржуазным ценностям нанес глубокую травму сознанию советских людей, ведущую к потере ими прежнего смысла жизни. Подобную ситуацию я называю «духовной аномией». Она, на мой взгляд, до сих пор плохо понята и осознана наукой.

Проявления современного олигархического капитализма ведут к постоянному травмированию многих граждан российского общества. Особенно наглядно это проявляется в росте пьянства и наркомании. Отрицательно сказывается и негативная информация, распространяемая в социальных сетях, пропагандирующая национализм, человеконенавистничество и воинствующий клерикализм. Недавний «феномен» молодого керченского стрелка, застрелившего без всякого повода 20 сверстников, а затем убившего себя, наглядно показывает, к каким трагическим последствиям может привести потеря смысла жизни в молодежной среде.

Л.Н. Доброхотов. Признавая, что состояние общественной травмы, как показывает историческая практика, может возникать как проявление и капитализма, и социализма, полагаю, что применительно к социализму речь идет о травме определенной, искаженной или отжившей свое модели социализма (или претензии на социализм), а не о травматическом, фатальном кризисе социализма как формации. Так было в Советской России в 1918–1921 гг. при «военном коммунизме» (но было преодолено НЭПом). Так было в СССР в период застоя 1975–1995 гг. (но результатом антисоветских «реформ» Горбачева стало крушение социализма и СССР), и так было в КНР. Там аналогичный кризисный период, закончившийся событиями на площади Тяньаньмэнь 1989 г., был преодолен реформами Дэн Сяопина, сохранившего страну в форме обновленного социализма и в отличие от горбачевской демагогии придавшего ей гигантское ускорение.

С.А. Магарил. Россия, к сожалению, глубоко «травмированное общество». И травмировано оно, прежде всего, процессами XX в. По стране, начиная с Гражданской войны, прокатилось несколько волн самоистребления, стоивших России миллионы жизней. В числе наиболее значимых предпосылок травматических процессов XX в. назову два фактора из области социокультурной динамики.

1. К началу XX в. на Руси уже 1000 лет звучала православная проповедь гуманистических идеалов Христа. Однако в ходе исторических событий единоверцы-православные массово совершали друг над другом насилие, вплоть до истребления. Это вынуждает признать, что христианский гуманизм не был освоен национальным сознанием России, и потому можно согласиться с Н. Бердяевым: народное православие на Руси – лишь обряд-доверие и ритуал.

2. Россия на 700 лет задержалась с учреждением университетского образования (первый европейский университет – Болонская школа права – был основан в XI в.). К концу XV в. в Европе функционирует порядка 60 университетов. В их составе факультеты права воспитали сотни тысяч высокообразованных правоведов. В течение многих поколений королевские судьи, прокуроры, юридические советники городских магистратов, торговых компаний, ремесленных гильдий, нотариусы, позднее и адвокаты, правоведы утверждали в жизни общества верховенство закона. Долго и мучительно, через мятежи, бунты и революции шла Европа к утверждению правового государства. Но она этот путь прошла. В России XVIII в. потерпела неудачу попытка осмысления и учреждения соответствующих времени требований права, предпринятая Уложенной комиссией. Причину объяснил

М. Сперанский: «Не только толпа сих законодателей не понимала ни цели, ни меры своего предназначения, но едва ли было между ними одно лицо, один разум, который бы мог стать на высоте сего звания». В сегодняшней России и учитывая наш опыт XX в., следует констатировать: политический режим, не способный обеспечить национальное развитие, неизбежно уйдет с исторической сцены, увлекая за собой государство. Едва ли история сделает исключение для нынешнего режима. Дезорганизация порождает масштабные риски дезинтеграции. СССР распался в соответствии с теоремой У. Эшби, до сих пор никто ее не опроверг.

Можно ли преодолеть изъяны общества травмы?

В дискуссии остро обсуждался вопрос, особо актуальный для России: кто мы, в каком обществе живем, куда идем? И извечный русский вопрос: «Что делать?»

Н.И. Лапин. Излечение травмы, восстановление самодостаточности общества требует отказа от очевидных, простых решений и поиска иных, синергично сложных способов ответа на вызовы среды. В наше время такие ответы предполагают повышение уровня самоорганизации травмированного общества, его переход на более высокую траекторию рефлексивного саморазвития. Осуществление такого варианта во многом зависит от повышения правовой культуры населения, уяснения им тесной связи основных прав человека и гражданина с его нравственным достоинством, с готовностью активно противостоять попыткам его унижения. Такое повышение нравственно-правовой культуры активной части населения станет предпосылкой появления лидеров, способных понять опасность цивилизационных вызовов и ориентировать активные слои населения на подготовку и осуществление синергично сложных ответов общества на вызовы. На мой взгляд, в ближайшей перспективе таким ответом может стать «модернизация для всех» (подробнее см.: [Лапин, 2018]).

В.Г. Доброхлеб. Проблема цивилизационного вызова современного мира определяется идущей дезинтеграцией чувственного типа человека, культуры, общества и системы ценностей (П. Сорокин, Ю. Яковец и др.), которая в настоящее время связана со всепроникающим обществом потребления на фоне деградации природной и социальной среды. Это вызывает нарастающее ощущение потери смысла жизни, травмы индивидуального и общественного сознания. В современной России проблема стоит наиболее остро. В определенном аспекте она связана как с местом страны в мире, так и с самим существованием России. Каковы акторы возможных позитивных изменений, есть ли лидеры перемен? Может ли младшее поколение стать мотором позитивных перемен? Где начали формироваться позитивные тенденции? Пока мы можем наблюдать лишь незначительные ростки нового. Например, молодежь все чаще определяет для себя базовые ценности, связывая их не с материальным благополучием, а с гуманистическими отношениями, в первую очередь в семье. Здесь наблюдаются определенные сдвиги в сторону семейных эгалитарных ценностей. Нужны социальные институты, способные противостоять «обществу травмы».

С.А. Кравченко. В решении проблем «общества травмы» огромная роль принадлежит научному осмыслению и разработке рекомендаций. В этой связи выскажу ряд соображений. Первое – учесть в факторах образования современной сложной травмы *плюрализацию форм насилия*, появление в мире гибридов «старого» и нового насилия. Второе – принять во внимание побочные последствия *меркантильной цифровизации социума*, травмирующей жизненные миры людей, их культуру, характер поведения и мышления. Третье – современная сложная травма деформирует не только конкретные общества, но и *цивилизации, формы взаимодействий между ними*: со стороны элит западной цивилизации предпринимаются попытки присоединения к себе локалов других цивилизаций. Четвертое – возникли *травмы международного права*, способствуя воспроизводству нелегитимных форм насилия между государствами. Пятое – в СМИ формируется *травматический дискурс*, латентно увеличивающий долю короткоживущего социума и уменьшающий степень его

долгоживучести. Шестое – имеет место *антропогенная травма* планеты, являющаяся важнейшей частью социоприродной реальности: увеличиваются «новые катастрофы» в виде всевозможных «*нормальных аварий*» [Perrow, 2011]. Седьмое – добавить к мерам по выходу из общества травмы следует и востребованность *гуманизации научного знания* [Кравченко, 2014]; учет эффектов «*парадокса Гидденса*»: правящие элиты в своих политических действиях должны принять во внимание их *отложенные последствия* для будущего планеты и жизни грядущих поколений [Giddens, 2009: 2].

Д.А. Китова. Для преодоления сложившейся ситуации в условиях общества травмы необходимо четко определиться с сущностью проблемы, ее структурными элементами, закономерностями функционирования и механизмами развития. Детализированное понимание феномена позволит:

– изучить аналогичные состояния и их последствия в других обществах¹ и сделать выводы об интенсивности травмы;

– выявить новые, не свойственные текущему этапу развития общества элементы, диагностировать возможные «точки роста»;

– понять временные перспективы исследуемого состояния общества, предположить интенсивность его протекания и ожидаемые сроки перехода общества в новое состояние, – посттравматическое;

– понять специфику общественной травмы и ее детерминанты (духовные, идеологические, экономические, политические и т.д.)²;

– охарактеризовать варианты развития общества травмы (деградация, раскол, развал, стагнация, сплочение, прорыв и т.д.) и предложить варианты изменений;

– выделить характер внешних и внутренних угроз общественной безопасности и т.д.

Без такого *комплексного* понимания исследуемая проблема может остаться осознаваемым, но не управляемым феноменом. При обозначенном мною подходе авангардную роль науки в этом процессе переоценить невозможно.

С.Н. Майорова-Щеглова. Задача науки подобна медицинскому консилиуму – сделать перспективные заключения, не просто фотографию состояния: какие области, сферы, институты общества нуждаются в недолговременной, малозатратной, точечной реабилитации, так как они обладают особой характеристикой самовосстановления, своеобразной резильентностью, способностью преодолевать трудные социальные периоды. В иных случаях ученые могут оценить, как долго и в каких формах мы будем наблюдать посттравматический синдром. И, наконец, иметь смелость обоснованно произнести: эти сферы или общественные процессы, даже группы после такой травмы инвалидизированы, невозможен возврат в прежнее «рабочее» состояние. Такие прогнозы и проектирование возможны только в междисциплинарных исследованиях.

В изучении общества травмы нужно обращать особое внимание на детей и молодежь. Нынешняя молодежь и молодые взрослые – дети 90-х. Их жизненный путь в детстве – травма нестабильности, недообразования, недовоспитания, незрелости, недолюбленности, так как семьи в те годы не могли уберечь детей от шока. Современные дети переживают «родовую травму» отсутствия общественных целей, «землетрясения» традиций и инноваций образования и воспитания, последствий миграции. Вырабатывают ли они при этом иммунитет, ту самую резильентность, или будут продолжать поведенческие практики травмированного поколения?

Л.Н. Доброхотов. Говоря о современности, полагаю: развитие общества травмы можно наблюдать сейчас одновременно в России, США и в Европе. Выходом является у нас и у них новый социализм, учитывающий триумфы и провалы прежних моделей,

¹ Можно провести такой анализ, прибегнув к технологиям исторического исследования собственной истории.

² Например, говорить о духовной травме общества, об отсутствии национальной идеи или о иных формах общественной травмы.

условия глобального мирового развития и национальную специфику. Это все активнее признается в наших странах. Однако пока ничего не делается, и травма углубляется. Характерно, что и Д. Трамп, и В. Путин – на фоне бурно развивающихся Китая и Вьетнама – практически одновременно в начале этого года отвергли любые формы социализма как альтернативу развития.

Л.М. Дробижева. Общество травмы реализует себя не только в глобальных, но и конкретно-исторических проявлениях. Возьмем, к примеру, социально-психологический аспект идентичности и межэтнических отношений. Самую острую фазу травмы мы пережили в первой половине 1990-х гг.: потерю государственной, страновой идентичности, трансформацию территориальных границ, социальной системы и осознание этого, новые социально-структурные идентичности. Первые опросы по Москве показывали: только четверть столичных жителей идентифицируют себя как граждан России. Этноизоляционные установки зашкаливали за 50%. Однако уже в конце 1990-х стала ощущаться потребность общества в консолидации, а с начала 2000-х гг. более 70% осознавали чувство связи с гражданами России. Во втором десятилетии 2000-х гг. социологи фиксировали российскую идентичность 74–84% граждан страны (в регионах с русским большинством от 80 до 90%). Уменьшались негативные межэтнические установки. По данным за 2012, 2014, 2016 и 2018 гг. в этот период идентичность, доверие и межэтнические установки претерпевали серьезные колебания под влиянием внешне- и внутривнутриполитических и внутриэкономических факторов (подробнее см., напр.: [Межнациональное согласие..., 2016]).

С.А. Магарил. Что может сделать научное сообщество гуманитариев? Согласно концепции А. Тойнби, творческое меньшинство нации должно, обязано предложить конструктивный, эффективный ответ на исторический вызов, с которым столкнулось общество. Однако статья Ж.Т. Тоценко «Социология былой интеллигенции» (НГ-Сценарии, 22.01.2019) вынуждает ставить под сомнение способность отечественных социогуманитариев предложить России выход из масштабного социально-исторического кризиса. В ходе дискуссии был затронут вопрос о социал-демократии, как политически-продуктивной концепции, обеспечившей в послевоенной Европе, особенно в скандинавских странах, убедительное социально-экономическое развитие. Один из ярких примеров – Швеция. В начале XX в. здесь, как и в России, существовали радикальные группы и звучали революционные лозунги. Однако шведским интеллектуалам хватило предвидения отвергнуть доктрину беспощадной классово-борьбы. Вместо нее был выдвинут лозунг «Швеция – наш общий дом». В начале XX в. страну из-за бедности покидал каждый третий взрослый швед. К концу того же века, благодаря политике социал-демократов, Швеция превратилась в высокоразвитое индустриальное общество с социально-ориентированной рыночной экономикой и высоким уровнем жизни; результат реализации идей и программ шведских социал-демократов очевиден. Есть основания полагать, что социогуманитариям России на обозримую перспективу предстоит масштабная работа социально-политического просвещения народа. Успеть бы.

Ж.Т. Тоценко. Обобщая сказанное, травма общества – длительное состояние неопределенности трансформации общественных отношений, характеризующееся деформацией экономических, социальных, политических и духовно-культурных процессов и имеющих непредвиденные социальные последствия. Обществу травмы присущи отсутствие стратегических целей развития, хаотичность действий, неспособность мобилизовать активные силы для реализации программы действий и преодоления деструктивных изменений. Особую роль приобретает деятельность политических и экономических акторов, ведущая к непрогнозируемым эффектам вследствие несогласованности и противоречивости их действий, олицетворяющих сугубо корпоративные и групповые эгоистические интересы.

В то же время современная история знает, что подобные задачи по выходу из травмированного развития решали – успешно и, главное, в течение нескольких лет – капиталистические Сингапур, Малайзия, Южная Корея, и социалистические страны – Китай, Вьетнам. В сравнении с ними в обществах травмы эти задачи не решаются десятилетиями.

Чтобы выйти из травмированного состояния, «основными мотивами общественно полезной экономической и политической жизни будут не прибыль или власть, а мотив креативной службы обществу» [Сорокин, 1999: 7]. Значительную, порой решающую роль в этих условиях должна сыграть политическая воля. Поворот стратегии развития в русло реального создания социального государства, которое провозглашено в Конституции РФ.

Обзор подготовил Т. Макаров

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александр Дж. Смыслы социальной жизни: культуросоциология. М.: «Практикс», 2013.
- Гуманистический поворот: императив человеческой цивилизации. Моногр. / Под общ. ред. С.А. Кравченко. М.: МГИМО-Университет, 2018.
- Кравченко С.А. Переоткрытие социальной реальности как показатель валидности социологического знания // Социологические исследования. 2014. № 5. С. 27–37.
- Лапин Н.И. Гибридный транзит и потребность в «модернизации для всех» // Вестник Института социологии. 2018. № 4. С. 104–136.
- Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества: моногр. / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: ИС РАН, 2016.
- Московский экономический форум – 2016: 25 лет рыночных реформ в России и мире. Что дальше? // Предпринимательство. 2016. № 2. С. 6–23.
- Славин Б.Ф. Идеология возвращается. М.: Социально-гуманитарные знания, 2009.
- Сорокин П.А. Условия и перспективы мира без войны // Социологические исследования. 1999. № 5. С. 3–12.
- Тарабрина Н.В. Психология посттравматического стресса: Теория и практика. М.: ИП РАН, 2009.
- Тощенко Ж.Т. Травма как деформация эволюционного и революционного развития общества (опыт социологического теоретизирования) // Социологические исследования. 2017. № 4. С. 16–26.
- Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. Моногр. М.: Наука, 2018. С. 10–31.
- Штопка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.
- Giddens A. The Politics of Climate Change. Cambridge: Polity Press, 2009.
- Perrow Ch. The Next Catastrophe: Reducing our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters. Princeton: Princeton University Press, 2011.

Статья поступила: 16.04.19. Принята к публикации: 24.04.19.

SOCIETY OF TRAUMA: BETWEEN EVOLUTION AND REVOLUTION (a round table discussion)

Materials of a conference of the Social Sciences Branch Council of the Russian Academy of Sciences «New ideas in sociological theory and social practice»

Participants:

Valentina G. DOBROKHLEB, Dr. Sci. (Econ), Prof., Institute of Economic Problems of Population Settlement RAS (vdobrokhleb@mail.ru); Mikhail F. CHERNYSH, Dr. Sci. (Soc.), Prof., Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS (mfche@yandex.ru); Leonid N. DOBROKHOTOV, Dr. Sci. (Phil.), Lomonosov Moscow State University (dobrokhotoza@yahoo.com); Leokadiya M. DROBIZHEVA, Dr. Sci. (Hist.), Institute of Sociology of FCTAS RAS (drobizheva@yandex.ru); Ddzhul'etta A. KITOVA, Dr. Sci. (Psychol.), Prof., Institute of Psychology RAS (j-kitova@yandex.ru); Sergey A. KRAVCHENKO, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Moscow State Institute of International Relations (University) of MFA of Russia (Sociol7@yandex.ru); Nikolay I. LAPIN, Corresponding Member of RAS, Institute of Philosophy RAS (lapini31@mail.ru); Victor K. LEVASHOV, Dr. Sci. (Sociol.), Institute of Socio-Political Research RAS (levachov@mail.ru); Sergei A. MAGARIL, Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., journal «Sociological Studies» (magaril@yandex.ru); Svetlana N. MAYOROVA-SHCHEGLOVA, Dr. Sci. (Soc.), Prof., Moscow State University of Psychology & Education (shcheglova-s@yandex.ru); Boris F. SLAVIN, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Moscow State Pedagogical University (nivals@inbox.ru); Zhan T. TOSHCHENKO, corresponding member of RAS, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russian State University for Humanities. All – Moscow, Russia.

Abstract. Analysis of the world/state/society proceeds along well-known path – revolution/ evolution. In the world today, however, there is such a phenomenon as societies of trauma. Respective countries are for a long time stagnating and/or degraded in development, they are in recession losing previous achievements. This article discusses features of the trauma of the society: 1) lack of clear-cut development strategy and understanding of the development prospects; 2) economic degradation; 3) lack of constructive political forces; 4) transitions of power resources into capital and vice versa; 5) withdrawal, voluntary/forced, of a majority of active population from political participation; 6) absence of a state ideology and/or national idea; 7) ignoring national interests, or their excessive absolutization; 8) growing social inequality; 9) political strain and loss of national sovereignty; 10) lack of respect for traditions and experiences of the country or, conversely, archaic, long-forgotten ethnic, religious and patriarchal attitudes. Particular attention is paid to Russia, as a traumatized society, for in its development, rejecting socialist past and proclaiming new, unexplored paths in development, it is in a state of uncertainty of their future. In this context, an analysis of the obstacles to be overcome cannot be based on either evolutionary or revolutionary paths of development.

Keywords: revolution, evolution, trauma, development, operation, social consequences.

REFERENCES

- Alexander J.C. (2013) *The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology*. Moscow: Praxis. (In Russ.)
- Giddens A. (2009) *The Politics of Climate Change*. Cambridge: Polity Press.
- Humanistic Turn: the Imperative of Human Civilization*. Monograph. (2018) Under the general editorship of S.A. Kravchenko. Moscow: MGIMO-Universitet. (In Russ.)
- Interethnic Harmony as a Resource for Consolidating Russian Society: a Monograph*. (2016) Ed. by L.M. Drobizheva. Moscow: IS RAN. (In Russ.)
- Kravchenko S.A. (2014) Rediscovery of Social Reality as an Indicator of the Validity of Sociological Knowledge. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 27–37. (In Russ.)
- Lapin N.I. (2018) Hybrid Transit and the Need for «Modernization for All». *Vestnik Instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. No. 4: 104–136. (In Russ.)
- Moscow Economic Forum – 2016: 25 Years of Market Reforms in Russia and the World. What Comes Next? (2016) *Predprinimatel'stvo* [Entrepreneurship]. No. 2: 6–23. (In Russ.)
- Perrow Ch. (2011) *The Next Catastrophe: Reducing Our Vulnerabilities to Natural, Industrial, and Terrorist Disasters*. Princeton: Princeton University Press.
- Slavin B.F. (2009) *Ideology Is Back*. Moscow: Sotsial'no-gumanitarnye znaniya. (In Russ.)
- Sorokin P.A. (1999) Conditions and Prospects for a World Without War. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5: 3–12. (In Russ.)
- Sztompka P. (2001) Social Change as Trauma. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1: 6–16. (In Russ.)
- Tarabrina N.V. (2009) *Psychology of Post-Traumatic Stress: Theory and Practice*. Moscow: IP RAN. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2017) Trauma as Deformation of Evolutionary and Revolutionary Development of Society (a Sociological Theorizing). *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4: 16–26. (In Russ.)
- Toshchenko Zh.T. (2018) *Prekariat: from Proletariat to a New Class*. Monograph. Moscow: Nauka: 10–31. (In Russ.)

Received: 16.04.19. Accepted: 24.04.19.